

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Чекалова А. А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. М., 1986. 174 с.

Вероятно, трудно найти более яркое событие внутриполитической истории Византии, которое привлекало бы такое внимание исследователей, как восстание Ника. Два крупнейших и отчасти сопоставимых по своему значению, масштабам, показательности городских восстания в Византии приходится: первое — на начальные века ее истории (VI в.), второе — на последние (движение зилотов в Фессалонике XIV в.). Каждое из них, как через призму, преломило важнейшие и длительные противоречия своей эпохи. В этом заключается непреходящее значение и необходимость их изучения.

Книга А. А. Чекаловой, на наш взгляд, открывает новую страницу в исследовании восстания, прежде всего подводя тщательнейший итог предшествующей историографии (с. 3—8). Автор справедливо показывает ограниченность только, если можно так выразиться, «политико-статистического подхода», который преимущественно окрашивал предшествующую историографию: стихийное недовольство народа, «черни» политикой Юстиниана, интриги сенаторской оппозиции, борющейся против растущей автократии последнего, династические факторы и т. д. Ведь и в нашей историографии М. В. Левченко приходилось еще не столь давно «развенчивать» образ Юстиниана как непримиримого врага аристократии¹. После появления работ А. Кэмпрона, обьявившего византийские димы «мифом», проявились тенденции к упрощению сложной картины социально-политических связей, двигавших восставшими, сведению широкого народного движения к бессмысленному бунту черни². В этой связи стало особенно необходимым обращение не только к традиционному кругу источников, освещающих события восстания.

А. А. Чекаловой уже принадлежит ряд интересных исследований о значении «ди-

настической оппозиции» (минимальной), оценке сенаторской и роли аргиропратов. Все это поставило вопрос о необходимости изучения более широкой социальной базы и основы восстания. Само название книги как бы подчеркивает принципиальное отличие ее от многих предшествующих: не просто «Восстание Ника», а «Константинополь в VI в. (и) восстание...» Отсюда огромное внимание, уделяемое развитию самого города как столицы, анализу динамики его социальной структуры. Значение первой и второй глав, посвященных этим вопросам (с. 15—68), на наш взгляд, заключается в том, что они объективно сужают возможности произвольной (нередко соответственно собственной терминологии ранневизантийских авторов) оценки удельного веса, положения, интересов и позиций разных социальных групп.

Старые представления о Константинополе как о непрерывно растущем центре паразитического потребления с его огромной ролью подкармливаемой черни размываются давно. Несомненной заслугой А. А. Чекаловой в отличие от многих ее предшественников является то, что она, должным образом учтя специфику положения и развития столицы, не гипертрофировала их, показала эволюцию Константинополя и социальных отношений в нем в органичной связи с общими процессами, происходившими в империи, в других ее городах. Она более многогранно показала рост экономического значения Константинополя, который превращался в своего рода производственную столицу Византии, проследила многократное умножение его производительного населения³.

Материал книги подтверждает выводы тех исследователей, которые считают, что в IV—V вв. люмпен-пролетарская в прямом смысле этого слова прослойка городского населения, в том числе и в Кон-

¹ Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. // ВС. 1945. С. 12—95.

² Cameron Al. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium. Oxford, 1976.

³ Чекалова А. А. Народ и сенаторская оппозиция в восстании Ника // ВВ. 1971. Т. 32. С. 24—39; Она же. Константинопольские аргиропраты в эпоху Юстиниана // ВВ. 1973. Т. 34. С. 15—21; Она же. Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V—первой половине VI вв. // ВО, 1977. С. 158—181 и след.

стантинополе, была не столь уж катастрофически велика. Основу последнего составляло свободное трудовое население, зависимое и от государства и от домовладельцев или хозяев земельных участков, но в массе своей экономически относительно устойчивое и социально достаточно самостоятельное. Этим прежде всего определялся факт его активного участия в социально-политической жизни, а в конечном счете и в реальной массовой борьбе партий.

Нам кажется, что А. А. Чекалова иногда не очень обоснованно отграничивает Константинополь от остальной империи, замечая, например, что закон Константина об аккламациях чуть ли не случайно или формально был включен в законодательство Юстиниана, а упоминания Прокопия о «сенате и народе» в отношении последнего просто дань литературной традиции. Думается, что мы больше вправе говорить о реалиях и политических традициях как присущих позднеантичной системе в целом и обусловленных реальным соотношением социальных сил. Нравилось это кому-нибудь или нет, но без учета «мнения народа» система не функционировала. Тимоти Грегори еще раз убедительно показал ее официальный конституционный характер⁴. Она, естественно, распространялась и на сферу религиозных отношений. Не необъяснимая страсть к «богословствованию», а право византийцев на собственное суждение, так же как в общественных делах (принципы едины), лежало в основе непрерывной борьбы религиозных течений. Но если брать восстание Ника — восстание в уже безусловно христианской Византии, то в свете детальных попыток автора выявить в нем «религиозный» момент обращает на себя внимание прежде всего то, насколько он был реально ничтожен и насколько восстание было прямым выражением социально-политической борьбы и противоречий в их прямой, почти античной политической форме.

Кстати сказать, исследование А. А. Чекаловой выгодно отличает от большинства предшествующих отсутствие навязчивых акцентов на собственных устремлениях Юстиниана к автократии, маниакальной тяге к абсолютной власти как едва ли не важнейшей причине обострения многих конфликтов. За личными амбициями императора нередко спрятается, тушуются более значимые процессы — объективные предпосылки этих тенденций, которые, вероятно, более всего и определяют принципы, диктовали «стиль» политики Юстиниана. Несомненной заслугой А. А. Чекаловой еще в ее предшествующих работах является опровержение ставшего традиционным вывода о том, что поражение восстания означало полное утверждение автократии Юстиниана. За внешне впечатляющей победой последовала серия реформ и компромиссов.

Материал монографии убедительно показывает, что в начале VI в. заканчи-

вается целый этап социально относительно стабильного развития позднеантичной Византии. Она вступала в полосу обострения социально-политического кризиса, в полной мере обнажившегося в юстиниановскую эпоху — эпоху науперизации и роста недовольства масс свободного населения, глубокого подрыва положения курialesного сословия и объективного увеличения могущества знати, земельного магнатства, обогащения узкой торгово-купеческой верхушки и нарастания противоречий между ней, широкими слоями населения и знатью. Весь этот сложный клубок противоречий, механизм его действия в экономической и социальной сфере впервые отчетливо раскрыт в работе как система противоречий внутри общества, а не между его отдельными социальными группами и государством. Работа отчетливо проводит ту грань, которая отделяет общество начала юстиниановской эпохи от предшествующей, вскрывает тот сложный комплекс проблем, которые в новых условиях вынуждено было решать государство. Для нас закономерно встает вопрос о том, насколько ранневизантийская государственность была обречена на жесткую автократическую политику как единственную оставшуюся возможность насильственной приостановки нарастающего социального кризиса.

Вряд ли правы те исследователи, которые представляют политику Юстиниана как некую попытку, опираясь на массу средних и мелких свободных собственников, нанести удар по могуществу аристократии, в немалой степени преследуя цель простого упрочения своего единовластия. Соответствующие главы книги А. А. Чекаловой («Народ и сенаторская оппозиция») убедительно показывают народный в своей основе и массовый характер восстания, его многогранную направленность и в силу этого накал недовольства и упорства большей части восставших.

Вероятно, можно было более четко определить те различия в интересах, которые ослабляли народное движение изнутри и в определенной степени способствовали его поражению. Вряд ли убеждает читателя вывод автора о том, что «в силу классовой ограниченности сенаторы отказались от решительных действий и их союз с народными массами оказался лишь временным» (с. 108). В этой формуле все спорно. Во-первых, почему «оказался»? А разве он мог быть каким-либо иным — «постоянным»? Во-вторых, вероятно, правильнее было бы говорить не столько о «классовой ограниченности» сенаторов, сколько о четкой «классовой сознательности», которая в таком случае не просто «помешала» им использовать «союз с народными массами», а прямо предопределила линию их поведения. Тем самым ставится под сомнение тезис о том, что она «хотела», но не смогла в силу этой ограниченности использовать

⁴ Gregory T. E. *Vox Populi. Violence and Popular Involvement in the Religious Controversies of the Fifth Century A. D. Ohio*, 1979.

народное недовольство для свержения Юстиниана, и более подтверждается вывод о том, что она этого и «не хотела». Уступки ее интересам, а не свержение императора были целью ее соучастия, как это и показывает материал книги.

Равным образом нам представляются неудачными некоторые формулы концовки работы: «несмотря на все его попытки, Юстиниану не удалось до конца (курсив мой. — Г. К.) привлечь на свою сторону ни сенат, ни торгово-ростовщическую верхушку, ни тем более народные массы» (с. 136). Думается что он и не ставил перед собой столь нереальной задачи. То, что ему удалось силой и некоторыми уступками подавить восстание и приглушить остроту социально-политического кризиса, было показателем того, что позднейшее общество Византии еще сохраняло известную жизнеспособность. Симптомы были угрожающими, но финальный социальный кризис еще не назрел.

В работе А. А. Чекаловой впервые столь полно в историографии восстания Ника дается описание динамики различных социальных групп населения Константинополя, их интересов. Существенна с этой точки зрения и глава III («Социальные связи. Партии ипподрома»), в которой именно на фоне характера и развития реальных социальных отношений рассматривается вновь ставшая дискуссионной после появления книги А. Кэмирона проблема партий цирка. На материале источников автор дает, на наш взгляд, убедительную и развернутую критику его концепции (с. 69—73), суммирует обоснованную характеристику партий «димов», роли народных масс в ранней Византии (гл. IV).

Безусловным достоинством работы является то, что автор рассматривает нарастание социально-политической борьбы и движений в столице накануне восстания Ника, как и их развитие после него. Однако, на наш взгляд, не бесспорно, что первое (гл. IX, с. 123—126) не стоило проанализировать до рассмотрения са-

мого восстания, которое в результате этого более отчетливо выступило бы как кульминационный этап длительного взрешения и обострения противоречий, с его качественно отличным от них уровнем, как и последующие.

А. А. Чекалова реконструирует ход восстания Ника, аргументируя основания рассматривать знаменитый диалог прасинов с Юстинианом («Акты по поводу Калоподия») как реальную прелюдию к нему (с. 89—94). В целом монография является наиболее полным по его источниковой базе и широте изучения социального фона исследованием крупнейшего городского восстания в ранней Византии. При этом необходимо учитывать не только значение его более глубокой характеристики и оценки, но и то, что наблюдения и выводы об этом наиболее подробно освещенном в ранневизантийских источниках восстании дают немалый материал для уяснения реальной социальной основы и многих других городских движений этой эпохи, в том числе и неконстантинопольских, конкретные сведения о которых представляют крайне ограниченные возможности для суждения об их особенностях и характере на их собственном материале.

Особое, на наш взгляд, значение монографии А. А. Чекаловой, посвященной определенному периоду в истории Византии и Константинополя, придает то, что она существенно расширяет представление об объективном его социальном содержании и особенностях, расширяет научные основы внутренней периодизации юстиниановской эпохи, более четкого выделения этапов социальной эволюции общества, социальной политики на протяжении целостного почти полувекового правления Юстиниана, — задача, которая, как нам представляется, давно стоит перед исследователями, пока еще более склоняющимися к ее обобщенной оценке и делению ее по совокупности «политико-военно-религиозных» моментов и этапов.

Г. Л. Курбатов

‘Абд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Хакам. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб. предисл. и примеч. С. Б. Певзнера. М.: Наука, 1985. 440 с.

Осуществленное С. Б. Певзнером издание представляет собой полный перевод на русский язык одного из самых ранних памятников арабской исторической литературы. Это труд египетского историка ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Абдаллаха ибн ‘Абд ал-Хакама ал-Кураши (около 802/3—871), посвященный истории завоевания арабами византийского Египта (в первую очередь), Северной Африки и вестготской Испании. Сочинение Ибн ‘Абд ал-Хакама является очень важным источником. В нем нашли отражение не только события арабского завоевания указанных регионов, но и их история под властью Халифата до IX в. Подобно многим другим арабским авторам средневековья, Ибн ‘Абд ал-Хакам приводит в своем труде многочисленные иснады — последовательную цепь передатчиков тра-

диции, и это значительно помогает современным исследователям выявить источники, на которые он опирался.

История Ибн ‘Абд ал-Хакама является самым ранним по времени из дошедших до нас сочинений арабских историков, живших в Египте. Все сказанное показывает, насколько важен осуществленный С. Б. Певзнером перевод. Это вообще первый полный перевод книги Ибн ‘Абд ал-Хакама на европейский язык. Все осуществленные ранее переводы французский, английский и латинский — в той или иной степени неполны.

С. Б. Певзнер снабдил свое издание предисловием (с. 3—16), в котором он подробно охарактеризовал сочинение Ибн ‘Абд ал-Хакама, его структуру и определил его место среди арабской исторической литературы средневековья. В пре-